

С. И. Митина

Личность и эпоха в зеркале философской эссеистики

УДК 82-96

В центре рассмотрения данной статьи один из интереснейших жанров философской культуры – эссе. В фокусе внимания тема отражения эпохи и самопознания, самовыражения личности в эссеистическом жанре. Также анализируются особенности, характерные черты, отличающие данный жанр от других, в которых мыслитель обращен к себе, поиску собственного «Я», самоанализу.

Ключевые слова: жанр, мыслитель, размышление, саморепрезентация, самопознание, текст, эго-текст, эссе.

S.I. Mitina. The person and the epoch in the mirror of the philosophical essayistics.

In the center of the given article is one of the most interesting philosophical culture genres – the essay. The special attention is given to a theme of reflection of an epoch and self-knowledge, self-expression of the person in the philosophical essayistics. The particular characteristics distinguishing the given genre from others in which the thinker is addressed to itself, find your own «I», self-awareness are also analyzed in this article.

Key words: genre, thinker, reflection, self-representation, self-knowledge, text, ego-text, esse.

В эпоху Возрождения появляется новый жанр, возникший на стыке философии и художественной литературы, – это *эссе*. В эссеистике не только генерируются и транслируются идеи мыслителей, но и выявляется форма философской рефлексии – это отношение к себе, погружение внутрь самого себя и переход границ как внутри себя (собственно рефлексия), так и вовне (трансцендирование). Посредством данных процессов задается субъективность человека. Рефлексия является определяющим феноменом для природы философии и философствования.

«Эссеистика не поддается четкому определению своей специфики, – замечает М. Н. Эпштейн, – скорее это некая наджанровая система, включающая самые разнообразные философские, исторические,

научно-популярные, моральные, автобиографические, критические сочинения. Эта «неопределимость» входит в самую природу эссеистического произведения и обусловлена той мировоззренческой установкой, которая заставляет этот жанр постоянно переступать свои границы» [8:131].

Литературный энциклопедический словарь дает следующее определение данному жанру: «Эссе (франц. *essai* – попытка, проба, очерк), прозаическое сочинение небольшого объема и свободной композиции, выражающее индивидуальные впечатления и соображения по конкретному поводу или вопросу и заведомо не претендующее на определяющую или исчерпывающую трактовку предмет. Эссеистический стиль отличается образностью, афористичностью и установкой на разговорную интонацию и лексику. Как самостоятельный жанр эссе укоренился в литературе после М. Монтеня» [4:516].

К. З. Акопян в одной из работ по философской эссеистике подчеркивает, что эссе не может быть определено как жанр, относящийся исключительно к какой-либо *одной* области творчества. Ученый предпринимает, на наш взгляд, успешную попытку его определения с позиции философии. По определению Акопяна, эссе – это: «...реализованное интеллектуальное усилие, имеющее своей целью выражение и фиксацию в тексте некоего размышления, краткого рассуждения, развернутого высказывания» [1:125]. Итак, в отличие от литературного жанра, способного выражать индивидуальные впечатления, в философской культуре эссе фиксирует некое *размышление*. Момент «пограничности» жанра эссе подчеркивается тем, что, не утрачивая присущих ему своеобразия и специфики, он способен иметь философский и публицистический, нравственно-назидательный и политический, исторический и историко-биографический, научно-проблемный и научно-популярный, литературно-критический и «просто» беллетристический характер. Эссе не чужды черты притчи или памфлета. Этот жанр сближается с афоризмом, обретает форму самостоятельной литературной миниатюры, или становится стихотворением в прозе, образцами которого являются тексты А. Бертрана, Ш. Бодлера, И. С. Тургенева. В данной статье мы будем анализировать возможность *размышления мыслителя о себе* и культурной эпохе посредством жанра эссе. О такой возможности дает право утверждать определение эссе, предложенное З. П. Шайхлем как жанра, «который знает, как общепризнанное знание превратить в форму личного переживания...» [6:22]. Эта форму-

лировка, по мнению Шайхля, точно определяет обе сферы, частью которых является эссе: сферу фактов, в которых эссеисту нужно хорошо разбираться, и сферу личного доступа, личной оценки, личной позиции «за» или «против» предмета его эссе. Из «формы личного переживания» следует, что «Я» в эссе можно в значительной степени отождествлять с личностью эссеиста по иному, нежели в других литературных жанрах.

Обычное перечисление в справочниках, энциклопедиях, словарях (небольшой объем, конкретная тематика, субъективное видение проблемы, свободная композиция, ориентация на разговорную речь и т. д.) – это имплицитно заложенная в эссе определенная «Я-концепция». В эссе мыслитель размышляет над метафизическими вопросами, которые могут быть заданы с определенной установкой, причем и сам вопрошающий попадает под вопрос. Именно рассмотрение метафизической проблемы сквозь призму индивидуально-авторского, проведенного на фактологической основе, и есть один из жанрообразующих признаков эссе. Под «фактологической основой» подразумевается не только совокупность чисто «внешних», «объективных» фактов, но и фактов внутреннего, духовного опыта.

В. В. Канторович выделяет три основных жанровых признака эссе: «Первый. Эссе трактует о предмете, строго говоря, только в той мере, в какой он произвел впечатление на автора. Эссе непременно проникнуто субъективным авторским восприятием <...>. Второй признак эссе – непринужденная, свободная легкая форма изложения, указывающая сама по себе на то, что она не претендует на всестороннее, исчерпывающее исследование предмета <...>. И, наконец, третий признак жанра: размышления, глубокий умственный анализ» [3:93]. Первый, выделенный Канторовичем жанровый признак эссе совпадает с монтеневской трактовкой этого жанра как одного из жанров эго-текста. М. Монтень пишет в предисловии к «Опытам»: «... содержание моей книги – я сам...» [5:5]. Непринужденная, свободная форма изложения, отмеченная Канторовичем, вовсе не указывает на то, что она не претендует на всестороннее, исчерпывающее исследование предмета. Подобные рассуждения основаны на априорном отрицании самой возможности свободного взгляда «за грань» понятий и образов; на отрицании свободного поиска субъективного, авторского образа видения мира.

Эссе – это картина одного из «моментов истины», неизбежно вопрошающая об истине в целом, в ее безначальной и бесконечной процессуальности. Эссеистическое постижение сути вещей – это путь самопознания, путь определенных внутренних, душевных усилий, посредством которых усиливаются познавательные стремления человека. Близкие к эссе, соприкасающиеся в точке проблематики *самопознания* жанры философского эго-текста, исповеди, мемуары, дневники отличаются способом постановки авторского «Я». Так, мемуары и философская автобиография раскрывают «Я» в аспекте ставшего, дневник – в процессе становящегося, исповедь – в направлении будущего, перед которым человек держит отчет, стремясь обрести благодать и смысл жизни. Раскрытие «Я» в эссеистике, согласно мысли М. Н. Эпштейна, обладает свойством «прерывности». «Я» в данной жанровой форме эго-текста не является темой, подобной всем остальным, оно не может рассматриваться как целое именно потому, что оно охватывает и все приобщает к себе. Поэтому в эссеистике «Я» движется не от истоков становления к самосознанию, а от темы к теме, совершая скачки и нигде не показывая себя целиком. Когда Монтень утверждает, что пишет только о себе, он отдает себе отчет в разнице между этой «темой» и всеми остальными, он далек от автобиографизма» [8:132].

Исторический экскурс показывает, что эссеистическая манера письма обнаруживается уже в глубокой древности, в частности, в трактатах древнегреческих философов и «малых формах» древнеримских писателей – Лукиана, Элиана, Цицерона. Однако подлинным родоначальником эссе принято считать М. Монтеня, оказавшего большое влияние на европейскую словесность. «Искусство жизненного опыта и жизненного поведения породило в эпоху Возрождения, как свой прекраснейший цветок, произведения Монтеня» [2:59], – такое сравнение использует В. Дильтей, характеризуя эссеистику французского мыслителя.

М. Н. Эпштейн, посвятивший ряд работ исследованию эссе, называет этот жанр – возможным (сохраняет свое *может быть*) [7:109]. Если роман или рассказ еще строятся в сфере художественной иллюзии, научная статья или философский трактат притязают на логическую строгость понятий и неопровержимость выводов, а дневник или хроника предполагают правдивость изложения, точность и досто-

верность фактов, то эссе играет с возможностями всех этих жанров, не укладываясь не в один из них. Монтень писал: «Я люблю слова, смягчающие смелость наших утверждений и вносящие в них некую умеренность «может быть», «я думаю», «по всей вероятности», «отчасти», «говорят» и тому подобные» [5:233–234].

Авторская саморепрезентация мыслителя в эссе представлена *личностью*:

– *творящей*, которая в своей деятельности не ограничена правилами и нормами. Она ничего не утверждает категорично и окончательно, но приглашает, побуждает к рефлексии;

– *ищущей*, которая последовательно и упорно продвигается по направлению к намеченной цели, при этом не всегда отчетливо представляя себе, куда могут привести нарушающие стройный порядок смены причин и следствий. Для мыслителя характерна и строгая логика рассудка и, одновременно, интуитивное постижение мира;

– *пытливой*, проникающей за поверхностный слой всем давно знакомых явлений и предметов. Мыслитель всегда обнаруживает нечто необычное, становящееся причиной удивления, что выступает в роли одной из движущих сил философского размышления;

– *сомневающейся*, поскольку, согласно идее Монтеня, «там, где не остается места сомнению, царят страсти, которые выражают воинствующее раздражение» [5:72] и изгоняют дух творчества;

– *верящей*, так как необходимое сомнение опасно своими претензиями на абсолютную власть, поэтому для того «чтобы сомневаться, нужно сперва, быть уверенным <...>. Имейте веру – и доказательства придут» [5:106], – утверждает Монтень.

В эссеистических сочинениях Монтень предпринимает попытку самопознания, однако, по его утверждению, личность никогда не может быть до конца познанной: как субъект она всякий раз оказывается больше себя как объекта и в следующий миг заново объективирует свое бытие, не исчерпываясь им. Не случайно данное свойство эссе сделало его особо востребованным жанром в романтической, а далее в экзистенциальной традициях, где постоянно пролагаются пути движения личности к самообоснованию. Вследствие того что личность, лишенная общих и вечных оснований стала обретать их в опыте самообоснования, она не превратилась в нечто самоуспокоенное, само-

тождественное, напротив, в ее глубине раскрылся новый источник саморазвития.

Специфика эссе заключается в динамичном чередовании и парадоксальном совмещении разных способов миропостижения. Эссеистический текст, взятый как целое, содержит множество переходов, переключений из образного ряда в понятийный, из абстрактного в бытовой. Соответственно и проблематика, обсуждаемая в эссе, может быть достаточно разнообразной: истина, любовь, красота, мироздание. Тем не менее эти темы утрачивают всеобщность и приобретают конкретность, исходя из традиции данного жанра, которая фокусирует их как частности на фоне того всеобъемлющего «Я», которое образует горизонт эссеистического мышления. Таким образом, само авторское «Я» может выступать в философском эссе в качестве объекта исследования. В основе жанра эссе – столкновение, встреча индивидуального сознания автора с тем или иным явлением культуры, преломление этого явления в сознании отдельного человека, выяснение того, что оно значит для его индивидуальной жизни.

Делая акцент на индивидуальном авторском восприятии, Монтень смог расширить, по сравнению с жанрами-предшественниками, материал изображения, черпая его уже не только из книжных источников, но и из собственного жизненного опыта. Еще более важно то, что французский мыслитель не только расширяет границы своего опыта, но и берет его в совершенно особом ракурсе, который обеспечивается некоторой отстраненностью точки зрения автора, дистанцией, возникающей между ним и предметом его изображения, что связано именно с индивидуализацией авторской позиции. Если автор назидательного сочинения целиком растворяется во внеличностной точке зрения, то Монтень в своих сочинениях пытается занять самостоятельную позицию по отношению к существующей культуре, материалу его изображения.

Прочитав некоторые положения философского эссе Монтеня, дающие представление об образе самого автора и, соответственно, об образе мира той культурной эпохи, представителем которой он является, ибо им затронуты актуальные вопросы и проблемы тех дней. «Мне свойственна чрезвычайная склонность к милосердию и снисходительности. И эта склонность во мне настолько сильна, что меня, как кажется, скорее могло бы обезоружить сострадание, чем уважение»

[5:14]. Размышляя о чувстве скорби, он пишет: «Я принадлежу к числу тех, кто наименее подвержен этому чувству. Я не люблю и не уважаю его, хотя весь мир, словно по уговору, окружает его исключительным почитанием» [5:17]. «...лживость – гнуснейший порок. Только слово делает нас людьми, только слово дает нам возможность общаться между собой. И если бы мы сознавали всю мерзость и тяжесть упомянутого порока, то карали бы его сожжением на костре с большим основанием, чем иное преступление» [5:45]. «Я плохо могу управлять и распоряжаться собой. Случай имеет надо мной большую власть, чем я сам. Обстоятельства, общество, в котором я нахожусь, наконец, звучание моего голоса извлекают из моего ума больше, чем я мог бы обнаружить в себе, занимаясь самоисследованием или употребляя его на потребу себе самому» [5:50]. О физической боли: «Я принадлежу к числу тех, кто ненавидит ее всей душой, кто избегает ее, как только может, и, благодарение господу, до этого времени мне не пришлось еще по-настоящему познакомиться с нею» [5:68]. «Большинство людей, и притом самые здоровые среди них, считают, что иметь много детей – великое счастье; что до меня и еще некоторых, мы считаем столь же великим счастьем не иметь их совсем» [5:76]. «Меня устраивает решительно все, лишь бы мне было покойно [5:103].

Эссеист, рассказывая о современных событиях, известных ему из собственного опыта, говорит не о тех фактах, в которых он – действующее лицо (это была бы автобиография), но о тех, в которых он выступает как очевидец. Свой жизненный опыт, прочитанные книги, увиденное Монтень интерпретирует как наблюдатель. О политике, философии, искусстве эссеист рассуждает не как политик, философ или искусствовед, но как бы «непрофессионально», извне, выясняя, как эта область преломляется в сознании отдельного человека. Автор-эссеист со своей позиции постороннего наблюдателя предпринимает попытку освоить для себя определенную сферу культуры, будь то книжная мудрость или образ жизни чужого народа, проникнуть в определенный культурный мир и сделать его фактом своего личного, внутреннего опыта. Такая позиция помогает эссеисту рассмотреть предмет своего изображения не изолировано (в его абсолютном значении), а как элемент особого целостного мира культуры. Автор имеет дело с миром культуры как уже сложившимся, готовым, нашедшим

свое материальное воплощение в книгах, произведениях искусства, обычаях, стиле жизни. Также в фокусе философского эссе оказываются не только внутренний мир мыслителя, его профессиональная и мировоззренческая позиция, эмоциональная жизнь, но и анализ, размышления о социокультурных процессах.

Таким образом, в философской эссеистике представлена ключевая социокультурная проблематика соотношения и совместимости микро- и макроанализа, заключающаяся в возможности увидеть в личной истории мыслителя отражение масштабных общественно-политических процессов и событий. В исследуемых источниках личность мыслителя выступает и в качестве субъекта деятельности, и как объект контроля со стороны общества, социальных институтов и властных структур. Поэтому в философском эссе мыслитель запечатлевает не только себя, – подспудно он пишет и биографию своей эпохи.

-
1. Акопян К. З. Эссе как размышление о... // Философские науки. 2003. № 5. С. 125–128.
  2. Дильтей В. Введение в науки о духе // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX – XX вв. : трактаты, статьи, эссе. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1987. С. 108–135.
  3. Канторович В. В. Заметки писателя о современном очерке / В. В. Канторович. М. : Худож. лит., 1973.
  4. Литературный энциклопедический словарь / под ред. В. М. Кожевникова. М. : Сов. энцикл., 1987.
  5. Монтень М. Опыты: в 3-х т. М. : Эксмо, СПб. : Terra Fantastica, 2003. Т. 1.
  6. Шайхль З. П. О форме эссе у Канетти (анализ его первого эссе о Краусе) // Вопросы философии. 2007. № 3. С. 22–29.
  7. Эпштейн М. Знак – пробела. М. : Новое литературное обозрение, 2004.
  8. Эпштейн М. На перекрестке образа и понятия // Красная книга культуры? М. : Искусство, 1989. С. 131–147.